

CONCERNING THE HERODOTUS' TRIP TO SCYTHIA

The numerous papers about the history and culture of Scythia are based on the distinctive principle of the interdependency of Herodotus' evidences and his sojourn at Northern Pontic area. The paper contains the critical analysis of that ones which investigated the Herodotus' visual acquaintance with this region. In this connection all passages of Herodotus from «Scythian Logos» which used as a proof of the his trip are revised. The comparative analysis of the «Egyptian Logos», the special comments of the historian to the «Scythian Logos» proper, the unbiased analysis of the corresponding extracts from it indicates that Herodotus did not try even to drop a hint at his personal presence at this part of Oicumenae. The promise of the study of «Scythian Logos» for the determination of the chronology of its separate parts, passages and remarks is noted. Generally the truth of the information of «Scythian Logos» has to be proved not by connection with Herodotus' personal sojourn at Northern Pontic area but by comparison with a number of synchronous sources.

Одержано 19.02.92.

МИТРАДАТ VI ЕВПАТОР И НАРОДЫ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ*

Х. Хайнен

В статье рассматриваются некоторые аспекты взаимоотношений Митрадата VI Евпатора с северопричерноморскими народами: значение скифов и их соседей в пропаганде политики понтийского царя, роль отдельных представителей народов Северного Понта в осуществлении его политических целей и т. д.

Значение Митрадата VI Евпатора¹ для истории не только северопонтийских греков, но их соседей — скифов, тавров, сарматов и меотидских племен известно и часто отмечалось как в восточноевропейской, так и западной литературе. Уже Теодор Рейнак в своем классическом изложении истории Митрадата свел воедино все известные к тому времени сообщения о взаимоотношениях этого царя с «варварскими» народами Северного Причерноморья². В. Ф. Гайдукевич в крупном труде о Боспорском царстве также интерпретировал соответствующие свидетельства³. Наконец, Д. Б. Шелов в многочисленных исследованиях о Митрадате Великом глубоко изучил политику этого царя, направленную на объединение всего ареала Черного моря⁴. Наряду с этими исследователями должны быть названы и многие другие, которые вплоть до последнего времени обогатили наше знание эпохи Митрадата публикацией новых источников, а также изучением аспектов, до сих пор мало привлекавших внимание⁵. Однако, здесь не место давать обзор развития исследований о Митрадате⁶, хотя он был бы очень полезен, по крайней мере для ориентации не знающих русского языка ученых в результатах многочисленных работ на эту тему историков и археологов СНГ.

* Слегка расширенный, снабженный примечаниями перевод с немецкого доклада на Международной конференции специалистов «Восточноевропейские кочевники» (15—21 мая 1991, Шлезвиг, замок Готторф). Сердечно благодарю Ю. Г. Виноградова (Россия) за перевод на русский язык.

За рішенням редколегії журналу статті авторів, які мешкають за межами України, можуть публікуватися російською мовою. (Ред.)

Несмотря на все эти работы, до сих пор нет систематической интерпретации многочисленных сообщений об отношениях между Митрадатов и народами Северного Причерноморья. Это весьма удивительно ввиду полноты и качества соответствующих античных свидетельств. В сжатых рамках этой работы можно, однако, затронуть лишь некоторые аспекты столь обширной темы.

Как исходный пункт автором выбран один широкоизвестный текст — почетный декрет херсонеситов в честь полководца Диофанта⁷. В самом начале своих военных операций, выступив из Херсонеса, Диофант одержал победу над скифами Палака⁸. Этот успех описан в тексте надписи так: «после того, как он (т. е. Диофант) обратил в бегство считавшихся непобедимыми скифов, он сделал так, что царь Митрадат Евпатор первым воздвиг над ними трофей». Редакторы текста были не только бесспорными сторонниками Митрадата, но и искусными в стилистике художественного слова пропагандистами⁹. В нашем пассаже это проявляется в преднамеренно нарастающем панегирическом тоне описания победы над скифами: Диофант добился на поле сражения успеха, успеха выдающегося, т. к. скифы считались до сих пор, согласно тексту, непобедимыми. Однако слава этой победы досталась царю Митрадату, по поручению и под эгидой которого сражался Диофант. Победный монумент-трофей на поле боя был, судя по надписи, воздвигнут от имени не Диофанта, а его повелителя Митрадата. Заслуга Диофанта состояла в том, что он своим успехом создал возможность для воздвижения памятника победы, однако все лавры достались Митрадату, причем особые лавры, ведь он, по выражению надписи, был первым, кому вообще выпала честь поставить трофей над побежденными скифами.

Одно только прочтение этого пассажа показало, какими средствами панегирической формулировки восхвалялась победа над скифами. Дальнейшие места Диофантова декрета позволяют почувствовать ту же тональность. Однако от этого эпиграфического свидетельства обратимся к литературной традиции, задав себе вопрос: справлялись ли победы над скифами только северо-понтийскими греками или же они играли особо подчеркнутую роль еще где-нибудь в самовыражении Митрадата и его политике? Нам не придется долго искать такой ответ на наш вопрос, который прозвучал бы наиболее весомо. В сохраненной нам Юстином эпитафией *Historiae Philipicae*¹⁰, своего рода Всемирной истории, вышедшей из под пера Помпея Трога, мы читаем о первых годах правления Митрадата следующее (37.3.1—3): «Когда же Митрадат приступил к управлению государством, он с самого начала стал думать не о (делах внутреннего) управления, а об увеличении пределов своего царства (2). Благодаря невероятно счастливой судьбе, он покорил скифов, до него никем не побежденных, — скифов, которые некогда уничтожили Зопириона, полководца Александра Великого, с тридцатью тысячами воинов, которые убили царя персидского и двести тысяч его воинов, которые обратили в бегство царя Филиппа Македонского (3). Увеличив (таким образом) свои силы, он захватил также Понт, а после того Каппадокию»¹¹.

Этот текст требует комментария, с одной стороны, для систематизации упомянутых здесь исторических реминисценций, а с другой — для истолкования его политико-публицистической направленности. Великая победа Митрадата сравнивается здесь с тремя поражениями других полководцев и царей: 1) С катастрофически провалившимся походом, который предпринял полководец Александра Великого Зопирион где-то между 331 и 324 г. Точная его дата, как и территория военных действий, породили в науке споры¹². Для нашей темы существенно то, что один из военачальников Александра со своим большим войском был уничтожен скифами. 2) В следующем примере мы обращаемся к персидской истории. Катастрофа была еще ужаснее: персидский царь Кир погиб со своими 200 000 воинов в битве со скифами. Опять же ход событий и дата (вероятно, конец 530 г.) дискуссионны¹³. Для этого высказывания решающим является то, что не один Великий Александр, точнее его полководец Зопирион, но и самый выдающийся правитель ахеменидской династии Кир I были разбиты скифами. 3) В качестве третьего примера в тексте Юстина фигурирует Филипп II, отец Александра, которого скифы

обратили в бегство. Очевидно, здесь речь идет об одном событии македонских войн на Нижнем Дунае¹⁴. Сравнение не совпадает не только исторически, но и стилистически. Оба первых примера, которые для предводителей походов — Зопириона и Кира с их армиями, заканчиваются поражением, требуют ради стилистического равновесия в качестве пандана собственно двух примеров, завершающихся бегством противников скифов. Наш же текст называет только отступление македонского царя Филиппа; персидское же соответствие отсутствует. Поэтому как персидский пандан я предполагаю бегство царя персов Дария после неудачи его знаменитого скифского похода около 514 г.¹⁵ Это стилистически подчеркнутое сопоставление двух македонских и двух персидских примеров могло, согласно моей гипотезе, стоять в полной версии Помпея Трога; в резюмирующем варианте Юстина второй персидский пандан выпал. Эта небольшая текстологическая проблема, однако, не центральный пункт нашей связи. Более решающим является высказывание Юстина о том, что, благодаря победе над скифами, Митрадату удалось нечто, чего до него не смогли добиться ни македонские, ни персидские цари. *Itaque Scythas invictos antea... ingenti felicitate perdomuit*. Это звучит сходно с цитированной выше панегирической формулировкой Диофантова декрета: «После того, как он (т. е. Диофант) обратил в бегство казавшихся прежде непобедимыми скифов, он сделал так, что царь Митрадат Евпатор воздвиг над ними победный памятник (тропаион)». Таким образом, перед нами лейтмотив, практиковавшийся Митрадатов и его пропагандистами¹⁶. Каким политическим клеймом перечекал Митрадат военный успех Диофанта, явственно следует как из эпиграфической традиции, так и из цитированных выше текстов Юстина: Митрадат представил себя всему свету — своим друзьям и врагам — как первого, кто сумел одолеть скифов, когда-то имевших репутацию непобедимых.

Если победа Митрадата подчеркнута противопоставлена неудачам македонских и персидских владык, то как раз это сравнение задумано не случайно, а с далеко идущим политическим и пропагандистским замыслами. Ибо этим не только должно было быть сказано, что Митрадат в борьбе со скифами был удачливее всех полководцев до него, но также счастливее правителей обеих династий, от которых он вел свое происхождение — персидской и македонской. То, что Митрадат хотел, чтобы его воспринимали именно так, показывает следующий пассаж Юстина, на сей раз в речи, которую Митрадат якобы держал перед воинами в начале первой войны против Рима (89—85 гг. до н. э.) (*Just.*, 38, 7, 1—5): «(1) [Затем Митрадат сказал], что если он вздумает равняться знатностью с римскими царями, то окажется сильнее этого скопища бродяг; что среди предков по линии отца он может назвать Кира и Дария, основателей персидского государства, а по линии матери он происходит от Александра Великого и Селевка Никатора, основателей македонской державы (*imperii Macedonici*). Если же сравнить подвластные ему народы с подвластными Риму, то он является царем народов, которые не только равны народам римской державы (*Romano imperio*) но давали отпор македонской державе. (2) Ни один из народов, ему подвластных, не знал над собой чужеземной власти, никогда не подчинялся никаким царям, кроме отечественных, взять ли Каппадокию или Пафлагонию, Понт или Вифинию, а также Великую и Малую Армению. Ни Александр Великий, покоривший всю Азию, ни кто-либо из его преемников или их потомков не завоевали ни одного из этих народов. (3). Когда до него два царя, Дарий и Филипп, некогда осмелились не то что покорить, а только вступить в Скифию, они с трудом спаслись отсюда бегством, у него же именно из этой страны набрана большая часть войска для войны против Рима; (4). [Между тем] к Понтийской войне он, Митрадат, приступил с гораздо большей робостью и неуверенностью, так как сам был в то время неопытен и неискушен в военном деле; защитой же скифам служат — помимо оружия и храбрости — незаселенные степи и холода, что сулило войску большие трудности и опасности. (5). К этим затруднениям присоединялось также и то, что не было надежды на добычу от врагов — кочевников, у которых нет даже селений, а не то что денег».

Нет возможности проанализировать этот текст подробно. Просто констатируем, сколь гордо ссылается Митрадат на обе линии своих предков — пер-

сидскую и македонскую. Сюда подходит и возражение к скифскому лейтмотиву, который в представленном перечне *res gestae* Митрадата снова играет особую роль. И как бы для подтверждения предпринятого ранее заполнения предполагаемой лакуны в тексте Юстина мы убеждаемся в этом пассаже, что действительно, здесь бегство Дария из Скифии упомянуто и стилистически сопоставлено с отступлением Филиппа. Совершенно очевидно, что в этой речи Митрадата мы имеем дело с риторической фикцией Помпея Трога или его источника¹⁷. Но это отнюдь не делает наши соображения несостоятельными, поскольку мы вправе предположить, что пропагандисты Митрадата оперировали теми же аргументами, какие можно прочитать у Помпея Трога и Юстина¹⁸.

С одной стороны Митрадат — великий, единственный победитель скифов, защитник гресков от варваров, но с другой: Митрадат — друг и союзник скифов, сарматов и других народностей Северного Причерноморья. Античные источники, прежде всего Mithridateos историка Аппиана, содержат многочисленные сведения о военных ресурсах Северного Понта, которыми активно пользовался Митрадат в ходе своих войн с Римом. Эти свидетельства в достаточной мере еще не интерпретированы. Мы же должны ограничиться отдельными аспектами.

Легендарная отвага скифов и соседних варварских народов второй раз послужила Митрадату инструментом политической пропаганды. Если поначалу он торжествовал как блистательный победитель варваров-скифов, то затем он сделал этих старых противников своими друзьями и угрожал новым врагам — прежде всего римлянам — воинственной дикостью скифских и прочих понтийских союзников. Особенно отчетливо проявилась эта политика в речи, которую якобы произнес Пелопид, посланник Митрадата, перед римскими полководцами еще перед началом I Митрадатовой войны (89/88 г.). Эта речь сохранилась в книге о Митрадате историка Аппиана. Если ее пересказ и не вполне точно передает аутентичный текст, то тональность и выбор аргументов полностью соответствуют воззрениям и интересам Митрадата. Дабы устрашить римлян, Пелопид предупреждает: «Задумайтесь над тем, что Митрадат властвует как царь над своей родовой державой, простирающейся в длину на 20 000 стадий, и что он кроме того, покорил многие соседние народы: колхов, воинственную нацию, далее, греков, живущих на берегах Понта, и варваров выше их! Друзьями, готовыми последовать каждому его приказу, он располагает среди скифов, тавров, бастарнов, фракийцев, сарматов и других, обитающих у Дона, Дуная и Меотидского озера (т. е. Азовского моря) (54). Армянин Тигран — его зять, а парфянин Аршак — его друг. Он располагает множеством кораблей, часть которых готова к действиям, другая — строится, и имеет, наконец, значительные всевозможные средства для ведения войны» (App., Mithr. [1553 sq.])¹⁹.

Итак, теперь целиком и полностью ясно, какую роль играли скифские походы в самосознании Митрадата и в его политических расчетах. Победы в Крыму Митрадат стилистически преподал так, что это возвысило его над македонскими и ахеменидскими предками, в частности над Александром²⁰. Ослепленный этими начальными успехами, Митрадат самонадеянно полагает, что сейчас он одолеет и римлян²¹. Это, однако, не означает, что экспансионистская политика Митрадата с самого начала была планомерно направлена на войну с Римом. Только с течением времени, особенно, когда дело дошло непосредственно до войны против Рима, различные направления понтийской экспансии могли сложиться в единый продуманный план, который Митрадат, естественно, трактовал позитивно (в смысле собственных достижений), а его противники негативно (в смысле систематически проводимой антиримской политики)²².

Цитированный выше текст Аппиана предлагает многие сюжеты для подробной интерпретации. Я же хочу коснуться лишь одного вопроса: каким рангом обладали предводители варварских племен в окружении Митрадата? Аппиан, а точнее, посланник Митрадата Пелопид, говорит о том, что варварские народности на Понте от Дона до Дуная и Азовского моря как друзья (*philoï*) Митрадата готовы выполнить любое его приказание. Заключение династиче-

ских браков означает стимулирование близких отношений. В речи Пелопида относительно северопонтийских варварских князьков об этом не упоминается, только армянский царь Тигран назван зятем Митрадата. В более поздний период, в конце царствования Митрадата, мы узнаем, что он, будучи в крайне стесненной ситуации и с целью подготовки новой войны с Римом, выдал замуж своих дочерей за скифских династов (App., Mithr. 108 [5161])²³.

Это, однако, не означает, что уже перед заключительным этапом не установились личные близкие отношения между Митрадатом и определенными сражавшимися на его стороне представителями северопонтийских племен. Два примера таких тесных связей я хотел бы привести. В одной из битв с римлянами в 68 г. Митрадат был опасно ранен. Но скифские врачи из племени агаров спасли ему жизнь (App., Mithr. 88 [400]): «Митрадат между тем был поставлен на ноги агарами, скифским племенем, которые в качестве лекарства применяли змеиный яд и поэтому долгое время пребывали в окружении царя». Имеет смысл подчеркнуть замечание Аппиана, что Митрадат все время держал этих скифских врачей подле себя²⁴. Из практики эллинских правителей нам известно, что царские лейб-медики не только находились в личных близких отношениях с владыками, но и часто награждались высокими придворными титулами. Подобным способом они имели возможность свободнее общаться в среде придворного общества и пользоваться в соответствии с их положением определенным уважением наряду с авторитетными лицами из политического и военного руководства²⁵. К сожалению, мы не знаем, наделил ли Митрадат своих незаменимых агарских лейб-медиков какими-либо титулярными знаками отличия; мы даже не знаем их имен. Это одна из причин, почему они не были включены в составленную Э. Ольсхаузенем просографию прослойки функционеров понтийского двора²⁶.

Если мы просмотрим ольсхаузеневский список этих функционеров, то придем к заключению, что там обозначен всего один скиф, но даже и это свидетельство, по словам Ольсхаузена, «в источниковедческом плане не абсолютно надежно». Речь идет о Собадаке, «офицере Митрадата VI», которого Ольсхаузен помещает в прослойке функционеров. Однако из комбинации наших свидетельств, главным образом App. Mithr. 79 (353—355) и Plut., Lucull 16, можно получить другую, более содержательную картину. Оба текста касаются одного эпизода 3 Митрадатовой войны (74—63 гг.), относящегося, видимо, к 72 г., и рассказывают о покушении на жизнь римского полководца Лукулла. Покушение провалилось, но сообщения о нем имеют для нашей темы большое значение, поскольку они выводят на сцену двух северопонтийских приближенных Митрадата: Собадака и его соплеменника и личного врага Олтака (Аппиан называет его Холкабом, соотв. Олкабом) — династа племени дандариев, обитавших у Азовского моря²⁷. Поскольку тексты Апиана и Плутарха, вероятно, не у каждого читателя под рукой, я приведу оба отрывка в переводе с греческого.

Appian, Mithr., 79 (353—355). «... В это время некий начальник, скиф родом, по имени Олкаба, давно уже перебежавший к Лукуллу, спасший во время этой конной битвы многих и за это награжденный Лукуллом допущением к столу полководца, правом высказывать суждения и участвовать в тайных совещаниях, подошел к палатке Лукулла, когда тот в полдень отдыхал и потребовал, чтобы его впустили. На поясе у него, как всегда, висел обычный короткий кинжал²⁸. Так как его не допустили, он вознегодовал и сказал, что крайне важное дело заставляет его разбудить полководца; но слуги Лукулла ответили, что для Лукулла самое важное сейчас быть здоровым; тогда он тотчас же вскочил на коня и ускакал к Митрадату — потому ли, что он покушался на Лукулла и ему показалось, что его подозревают, или под влиянием гнева, считая, что с ним поступили дерзко. Митрадату он сообщил о другом скифе, по имени Собадак, что тот собирается перебежать к Лукуллу, Собадак был схвачен». (Цит. по: ВДИ.— 1948.— № 1.— С. 284, пер. С. П. Кондратьева).

Plut., Lucull., 16: «В войске Митрадата был некий Олтак, властитель дандариев (дандарии — варварское племя из числа живущих по побережью Метиды), отличавшийся на войне во всех случаях, где нужна сила и отвага,

обладавший замечательным умом и, кроме того, приличный в обращении и услужливый. Постоянно споря с одним из соплеменных ему властителей о первенстве и завидуя ему, он обещал оказать Митрадату важную услугу — убить Лукулла...» (Цит. по: ВДИ.— 1947.— № 1.— С. 281, пер. В. В. Латышева).

К сожалению, объем статьи не позволяет проанализировать оба текста — Аппиана и Плутарха — с желаемой полнотой²⁹. Описанию Плутарха мы обязаны точным определением Олтака и соперничавшего с ним соплеменника как дандариев, в то время как Аппиан обобщенно называет их скифами. Напротив, Аппиан называет нам имя соперника — Собадак, не упомянутое Плутархом. В других деталях этого эпизода сообщения Аппиана и Плутарха также отличаются друг от друга и, видимо, не по всем пунктам заслуживают доверия. Гораздо лучше известный образ — это Олтак, которого Ольсхаузен в противоположность Собадаку, к сожалению, не включил в свою, в остальном заслуживающую признания, просопографию прослойки функционеров царского понтийского двора. Хорошо уловлено Плутархом абсолютно типичное для общества военной знати соперничество его выдающихся членов.

Олтак изображен представителем всаднической аристократии. Прославляются его боевые способности, отмечены такие детали, как, например, то, что он в лагере не снимает своего носимого на поясе кинжала (Аппиан)³⁰. В соответствии с положением в его личном распоряжении находилось несколько слуг (ср.: название у Плутарха *raides*), среди них, без сомнения, денщик и конюший³¹. Однако примечательно, что этот меотский династ был не только искусным предводителем всадников, но, прежде всего, что он как у Митрадата, так и у Лукулла, возвысился до члена штаба ближайших советников. Естественно, греческий язык был в этих кругах обиходным. Наряду с интеллектом отмечены и изысканные манеры Олтака. Таким образом, мы получаем образ светского меотского аристократа, который одинаково храбро сражается как на понтийской, так и на римской стороне, и непринужденно общается с царем Митрадатов и римским полководцем Лукуллом. Этот человек не только заслуживает внесения в просопографию Ольсхаузена, но и позволяет бросить взгляд на позицию меотского династа между двумя мирами: с одной стороны — миром национальным частично эллинизированной меотской всаднической аристократии с типичным для нее кодексом чести, с другой — интернациональным миром эллинистического и римского военных лагерей.

В этой работе изложены лишь немногие аспекты взаимоотношений Митрадата и северопонтийских народов: значение скифов и их соседей в пропаганде понтийского владыки (по античным текстам), роль некоторых выходцев из Северного Понта, следовавших в войске Митрадата: агарских лекарей, а также дандарских династов Олтака и Собадака. Но многие другие античные источники обещают быть полезными для раскрытия этой темы. Надеюсь вернуться к этому в будущих исследованиях.

Примечания

¹ Я постоянно употребляю официальную форму имени Митрадата, засвидетельствованную надписями. Античные и многие современные авторы напротив предлагают форму «Митридат», ее я использую только в случаях цитирования данных авторов.

² *Reinach Th. Mithradates Eupator, König von Pontos.* — Leipzig, 1895. — S. 63—67. Цитируется по немецкому переводу А. Гетца с исправлениями и дополнениями автора. Это издание — последняя, авторизованная версия книги.

³ *Gajdukevic V. F. Das Bosporianische Reich.* — Berlin, 1971. — S. 318—322. За основу взято немецкое издание в переводе Г. Йанке, второе, переработанное и существенно расширенное издание появившегося в 1949 г. на русском языке оригинала. Кроме того оно учитывает результаты археологических исследований 1949—1966 гг.

⁴ Ср.: *Shelov D. B. Le royaume pontique de Mithridate Eupator* // *Journal des Savants*, 1982. — P. 243—266; русский текст этой статьи без примечаний см.: Причерноморье в эпоху эллинизма // *Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья* (Цхалтубо, 1982). — Тбилиси, 1985. — С. 551—572. См. также: *Шелов Д. Б. Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор* // ВДИ.— 1983.— № 2.— С. 40—58; *Молев Е. А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы.* — Саратов, 1976.

⁵ *Понтийское царство* Митридата VI и Северное Причерноморье // *Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья* (Цхалтубо, 1982).— Тбилиси, 1985.— Раздел III; *Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // *ВДИ.*— 1987.— № 1.— С. 55—87; *Harmatta J.* Studies in the history and language of the Sarmatians.— Szeged, 1870.— P. 23—25.— (Mithridates VI and the Sarmatians).

⁶ *Olshausen E.* Pontos, 2 // *RE Suppl.* XV. 1978.— Sp. 420—436.

⁷ *IOSPE* 1² 352; *SIG*³ 709; *Pubinsohn W. Z.* Saumakos: ancient history, modern politics // *Historia.*— 1980.— 29.— S. 50—70 (с англ. пер. текста декрета); *Boffo L.* Grecita di frontiera: Chersonesos Taurica e i signori del Ponto Eusino (*SIG*³ 709) // *Athenaeum.*— 1989.— 67.— P. 211—259; *Виноградов Ю. Г.* Указ. соч.— С. 69—84.

⁸ *Общепринято* начало этих операций с легкой руки Т. Рейнака (Mithradates Eupator.— S. 58) относить к 110 г. См. например: *Boffo L.* Op. cit.— P. 241 ("in via del tutto convenzionale... adottato come anno di inizio delle operazioni di 100/9 а.С."); *Виноградов Ю. Г.* Причерноморье в эпоху эллинизма.— С. 643—645, приводит новые аргументы в пользу 113 г. Ср.: *Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись...— С. 70.

⁹ *Chaniotis A.* Das Ehrendekret für Diophantos (*IOSPE* 1² 352) und die Geschichtsschreibung // *A. Fol, V. Zhivkov, N. Nedjalkov* (edd.), *Acta Centri Historiae Terra Antiqua Balcanica II.*— Trnovi, 1987.— S. 233—235.

¹⁰ *Текст* Юстина здесь и далее цитируется по изданию О. Зееля в *Bibliotheca Teubneriana.*

¹¹ *Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского* // *ВДИ.*— 1955.— № 1.— С. 203—204 (прим. Ред.).

¹² *Ziegler K.* Zopyrion // *RE X A* (1972) Sp. 763 f.; *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса V—I вв. до н. э.— М., 1989.— С. 150 сл. (с литературой).

¹³ *Dandamaev M. A.* A political history of the Achaemenid Empire.— Leiden, 1989.— P. 66—69.

¹⁴ *Gardiner-Garden J.* Ateas and Theopompus // *JHS.*— 1989.— 109.— P. 29—40; *Анохин В. А.* Монеты Атея // *Скифские древности.*— К., 1973.— С. 20—41.

¹⁵ *Доватур А. И., Калустов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота.— М., 1982.— с. 324 сл.; *Gardiner-Garden J. R.* Dareos Scythian expedition and its aftermath // *Klio*, 69— 1987.— S. 326—350; *Dandamaev M. A.* Op. cit.— P. 147—152.

¹⁶ *На это кратко указала уже Boffo L.* *Athenaeum* 67, 1989.— P. 247 sa. В еще не изданной статье («Неизвестный эпизод войны Митридата VI Евпатора против крымских скифов») Ю. Г. Виноградов и С. Ю. Внуков публикуют фрагмент надписи, найденный в 1987 г. в Кара-Тобе (13 км восточнее Евпатории). Согласно восстановлению авторов статьи, речь в нем идет о воздвижении понтийскими солдатами (Митрадата Евпатора) трофея. Данное прочтение подтверждает отмеченный пропагандистский лейтмотив. Я благодарю Ю. Г. Виноградова за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованной рукописью.

¹⁷ *Just.* 38, 3, 11 — пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского // *ВДИ.*— 1955.— № 1.— С. 206, 207.

¹⁸ *Одна часть* исследователей — по моему мнению, с полным правом предположила, что переданные Юстином речи наряду с фиктивными элементами равным образом содержат подлинную суть Митрадатовой пропаганды: ср. *McGing B. C.* The foreign policy of Mithridates VI Eupator, king of Pontus.— Leiden 1986, P. 162. Н.— *Richter D.* Untersuchungen zur hellenistischen Historiographie. Die Vorlagen des Pompeius Trogus für die Darstellung der nachalexandrinischen hellenistischen Geschichte (*Just.* 13—40) Frankfurt/Main 1987, S. 188—190 предполагает даже, что эта речь стояла в «Мемуарах» (Нуроннемата) Митрадата и благодаря историческому сочетанию Посидония попала в произведение Помпея Трога. Я не могу здесь подробно остановиться ни на речи *Just.* 38, 4—7 как целом, ни вообще на пропаганде Митрадата, а потому отсылаю к *Salomone Gaggero E.* La propaganda antiromana di Mitridate VI Eupatore in Asia Minore e in Grecia, in: *Contributi di storia antica in onore di Aldino Garzetti*, Genova 1976, S. 89—123.

¹⁹ *Русский перевод* Аппиана см.: *ВДИ*, 1948.— № 1.— (пер. С. П. Кондратьева).

²⁰ *В экспансионистской политике* Митрадата imitatio Alexandri, доходящее почти до соперничества — aemulatio — с его великим образом играет значительную роль, что особенно отчетливо проявляется в изображениях Митрадата на монетах и других памятниках. См.: *Bohm Cl.* Imitatio Alexandri im Hellenismus. Untersuchungen zum politischen Nachwirken Alexanders des Grossen in hoch- und späthellenistischen Monarchien.— München, 1989.— S. 153—191. Однако Бом не исследовал роль скифских походов в самосознании и пропаганде Митрадата (в связи с imitatio Alexandri).

²¹ *В этом смысле* и Афинион, афинский сторонник Митрадата, прославляет победы понтийского царя, дабы настроить афинян против Рима; так, по крайней мере, представляет дело историк Посидоний из Аламеи (*Jacody F.* *FG-Hist.*— № 87.— F. 36, 50 = *Athenaios*, V, 213 A).

²² Ср.: *Boffo L.* *Athenaeum*, 67, 1989.— P. 237—240.

²³ Ср.: *App. Mithr.* 102 (472—474).

²⁴ *Митрадат* всегда имел ярко выраженный интерес к медицине, особенно к действию целебных трав и ядов / *Reinach Th.* Mithradates Eupator.— S 280—282).

²⁵ Kudlien F. Der griechische Arzt im Zeitalter des Hellenismus Seine Stellung in Staat und Gesellschaft, Wiesbaden, 1979, — S. 73—81. Прекрасный пример из окружения Митрадата дает почетная надпись OGIS 374 в честь «верховного врага» (archiatros) Папия из Амиса, принадлежавшего к придворному разряду «первых друзей» (ton proton philon) Митрадата Евпатора.

²⁶ Olshausen E. Zum Hellenisierungsprozess am Pontischen Königshof // Ancient Society. — 1974, — 5. — S. 153—170 (просопография — S. 166—170).

²⁷ Ср.: Gajdukevic V. F. Op. cit. — S. 342. Дандарии были ираноязычным племенем, что, возможно, подтверждается и их именем (ср. Gajdukevic...) Очевидно, благодаря своим связям с Боспорским царством, они в известной степени были эллинизированы. Исчезновение ирановосточных традиций находит, видимо, отражение в устройстве их могил и погребальном обряде: ср.: Масленников А. А. К вопросу о погребениях дандариев // История и культура античного мира. — М., 1977. — С. 127—131.

²⁸ Греческий текст гласит: *Ο. Φε.*, автор немецкого перевода (Stuttgart, 1987), думает, что под этим оружием подразумевается «короткий кинжал на его поясе», и кажется, понимает текст Аппиана в том смысле, как будто Олкаба (Олтак) для задуманного покушения на Лукулла спрятал оружие в своем поясе, однако из контекста следует, что прикрепленный на пояс *encheiridion* (кинжал, короткий меч) принадлежал к обычному (*synthes*) обмундированию Олкабы (Олтака), а поэтому не вызвал никакого подозрения. Овидий в Томах также мог наблюдать подобное «стандартное оружие» у гетов и сарматов: «...*dextera non segnīs fixo dare vulnera cultro, quem iunctum lateri barbarus omnis habet*» (Trist. V, 7, 19 sq.) в переводе: «Быстро правая рука готова нанести раны ножом (*cultro*), который каждый варвар носит подвешенным к боку». В погребениях воинов Северного Причерноморья прикрепленный на пояс короткий меч (акинак) относится к обычным предметам вооружения; многочисленные примеры см.: *Rolle R. u. a.* (Hrsgg.), *Gold der Steppe. Archäologie der Ukraine, Schleswig* 1991.

²⁹ Аналогичную историю рассказывает Фронтин (Strat. 2. 5. 30), однако у него неудачливый покушавшийся носит имя «Адатас».

³⁰ Очевидно, не вызвало особого раздражения то, что знатный меотский всадник, сняв с себя в лагере прочную амуницию и оружие, оставляет при себе кинжал (см. прим. 28).

³¹ Предположительно, Олтак, как и другие северопонтийские династы, первоначально, когда он еще был на стороне Митрадата, сражался во главе многочисленной военной дружины своих соплеменников. Свой переход к Лукуллу он мог, видимо, осуществить лишь в сопровождении личной прислуги.

Х. Хайнен

МИТРАДАТ VI ЄВПАТОР ТА НАРОДИ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

У статті, на основі античних писемних джерел розглядаються деякі аспекти взаємовідносин Мітрадата VI Євпатора з північнопричорноморськими народами: значення скіфів та їх сусідів у пропаганді політики понтійського царя, роль окремих представників народів Північного Понту у здійсненні його політичних цілей.

H. Heinen

MITRIDATUS THE SIXTH EUPATORUS AND PEOPLES OF THE NORTHERN BLACK SEA TERRITORY

Antique written sources are used as a basis for analysis of some aspects of interrelations which existed between Mitridatus the Sixth Eupatorus and peoples who lived in the Northern Black Sea territories. These aspects include: the significance of the Scythians and their neighbours in the support of the policy by the Pontian tsar, the part played by some representatives of the Northern Pont peoples in implementation of his political vistas.